

© 2003 г.

М. О. МНАЦАКАНЯН

СОЦИАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ, СОЦИАЛЬНЫЕ ОБЩНОСТИ, СОЦИАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ (О природе предмета социологической науки)

МНАЦАКАНЯН Мкртич Оганесович - доктор философских наук, профессор кафедры социологии МГИМО (У) МИД РФ.

Дискуссии, которые прошли в России по данной проблеме в первой половине и середине 90-х годов, не привели к консенсусу по существу проблемы предмета социологии. В научных трудах и в учебниках по социологии можно встретить и сегодня самые различные толкования предмета данной науки, случаи ухода от вопроса. Вместе с тем в последние 2-3 года наметилась тенденция усиления внимания отечественных социологов к человеческому измерению: подходу к предмету социологии через призму человеческих действий и взаимодействий, поведения. Это выразилось в выступлениях Ж.Т. Тощенко на страницах журнала "Социологические исследования", в трудах, учебниках А.И. Кравченко, С.А. Кравченко, А.Г. Эфендиева, в статьях, выступлениях Г.С. Батыгина, Ю.Г. Волкова, А.Н. Данилова, Н.Е. Покровского и других ученых. Но вместе с этим положительным важным сдвигом возникают новые проблемы, без предварительного решения которых трудно удовлетворительно нарисовать портрет "социологического человека", раскрыть содержание его поведения, дать характеристику предмета социологии.

Индивид, социальное и социальное поведение. В статье "Социология жизни как концепция исследования социальной реальности" Ж.Т. Тощенко справедливо критикует точку зрения, объявляющую *предметом социологии общество* или акцентирующую "общие" и специфические социальные закономерности организации, функционирования и развития общества, пути, формы и методы их реализации в действиях и взаимодействиях людей, их общностей и общества в целом [1, с. 5]. В последнее время распространяется и точка зрения, согласно которой предметом социологии объявляются действия индивидов в обществе, действия человека вообще.

Вполне правомерно, что к XXI веку основным характерным признаком ситуации в обществоведении становятся антропоцентрический подход, ценность человека и его деятельности. В этих рамках человек представляется и как ресурс общественного развития, и как носитель социального капитала, огромный резерв и *импульс общественного развития*. Такая дихотомия, однако, действительна только в рамках "общество-человек". Социология, как одна из наук об обществе, рядом с другими обществоведческими науками, не может рассматривать человека полностью, во всех его качествах, связях, со всеми общественными чертами и свойствами в качестве собственного исследовательского и познавательного предмета. Не стану перечислять имена авторов, которые стремятся монопольно превратить индивида, его поведение, в исключительный предмет социологической науки. С такой трактовкой не могут согласиться и, действи-

тельно, не соглашаются представители экономической, политической наук, права и других обществоведческих дисциплин.

Представители, например, экономической науки считали и считают, что поведение человека (действие и взаимодействие) в экономической сфере является предметом экономической теории. На таких позициях стояли А. Маршалл, Дж. Кейнс и стоят сегодня многие авторитеты. Дж. Гелбрейт, например, писал: "Экономическая теория изучает поведения людей, вовлеченных в этот процесс. Она является наукой именно потому, что у нее нет никакой иной задачи, кроме понимания этого поведения" [2, с. 29]. Л. Роббинс, английский экономист, определяет экономическую теорию как науку, которая изучает поведение человека с точки зрения отношений между его целями и ограниченными ресурсами, средствами, допускающими альтернативное использование. Экономическая наука изучает соотношение издержек и эффективности человеческого действия. Отношения между действующими индивидами, акторами выступают для нее как аспекты производства и обмена товарами, услугами и т.д. Политическая наука, в свою очередь, будет рассматривать человеческое действие через призму власти и влияния, правовая наука - через право и закон, и т.д. Следовательно, *социологическая наука, выделяя и кристаллизируя свой предмет, должна корректно определять собственную познавательную перспективу, найти свой угол зрения и набор вопросов для изучения и понимания человека и его действий, как и собственные подходы, и совокупность принципов интерпретации фактов.*

В последнее время некоторые социологи с известными, правда, оговорками отходят от общих рассуждений о человеке и о человеческом поведении. Ж.Т. Тощенко, считая важным такую спецификацию предмета, предпочитает употреблять вместо индивида, человека понятие "личность", выделяя лишь социальные параметры в жизни человека. А.Г. Эфендиев более определенно в центр предмета социологии ставит социальное действие и взаимодействие человека. Но это лишь первые робкие шаги. К примеру, употребление понятия "личности" и выделение лишь социальных параметров его характеристик в принципе мало что меняют, ибо и в экономике, и в политике, и в правовом поле действует человек социализированный, с личностными характеристиками и социальными качествами. А вот что такое социальное действие человека как родовое социологическое понятие, элементарная, но жизнеспособная, саморазвивающаяся микросистема, по А.Г. Эфендиеву, представляет интерес. Стоит рассмотреть точку зрения этого автора подробнее. *"Социальное действие, - пишет автор, выделяя курсивом, - это преднамеренный, целенаправленный, поведенческий акт, ориентированный на других, их возможные ответные действия"* [3, с. 120]. Внимательное чтение авторского текста не оставляет сомнений: это социальное действие М. Вебера. Автор безоговорочно принял феноменологическую концепцию Питера Бергера, который писал: «что касается строгого определения понятия "социальный", то трудно добавить что-либо к формулировке Макса Вебера, который квалифицировал как "социальную" ситуацию, когда люди в своих действиях ориентируются на других. Переплетение смыслов, ожиданий и поведения, основанного на взаимной ориентации, составляет предмет (курсив мой. - М.М.) социологического анализа» [4, с. 32].

Здесь ахиллесова пята как западных феноменологов, так и наших. М. Вебер, создавая свою теорию социального действия, исследовал процесс наполнения человеческого действия рационализмом, рациональным смысловым содержанием, который сам действующий субъект вкладывает в свои действия. Отсюда и ориентация на других и т.д. Подчеркнем: *иные виды действия аффективного, эмоционального свойства, идущие нередко из глубин бессознательного, инстинктов, или по привычке, традиции и т.д., в которых отсутствуют более или менее ясно выраженный смысл или ценностный постулат, Вебер отлучает от понятия социального, считая их не социальными, не рациональными.* С другой стороны, социальное действие у Вебера ведет к становлению социальных институтов, структур, регулирующих смысловые взаимодействия, взаимные ожидания и т.д.

Интерсубъективный мир повседневности, который изучают социологи-феноменологи, сплошь и рядом состоит из иррациональных действий, конфликтов, умонастроений людей, групп, направленных как против друг друга, так и институциональных структур и регуляций. Причем наиболее мощные социальные силы, конфликты и социальные потрясения связаны с иррациональностью человеческого поведения. Именно они составляют основную заботу социологии; изначально на их понимание и разрешение, регулирование ориентированы положения о "порядке", "консенсусе", "солидарности", "интеграции" и т.д. Я вернусь более подробно к этим вопросам, здесь же отмечу, что данное противоречие выразилось у А.Г. Эфендиева в том, что его попытка определить "социальное", следуя логике выше приведенного "социального действия", вылилась в нечто более широкое, по его словам, чем "общественное": «Мы рассматриваем термин "социальное", - пишет автор, - в третьем самом широком смысле, как качественно новую, особую, специфическую для человека форму регуляции поведения и порождаемые его свойства человеческой жизни» [3, с. 107].

Считая в целом позицию антропоцентризма, говоря языком социологии - социологического номинализма, исключительно плодотворной, а феноменологическую парадигму - также в целом перспективной, уверен, необходимо найти новую интерпретацию социального поведения человека, взяв за основу не одно направление, а все то научное богатство, которое накоплено социологической мыслью, начиная от Э. Дюркгейма и М. Вебера. Начнем с того, что человек сам по себе, один, не социален. Он приобретает такое качество, когда имеет дело с другим, другими. Следовательно, его действия одновременно выступают как взаимодействия, *которые оформляются определенными социальными формами ассоциаций, даже двух, трех людей, выступающие в качестве автономных своего рода социальных единиц, внутри которых складывается повседневная социальная жизнь.* Именно в них человеческие действия предстают как элементы более широких структур, т.е. не случайных совокупностей действующих лиц, ориентированных друг на друга, а органично связанных различными сетями зависимости и обладающих волей, свободой и т.д. Индивиды, взаимодействуя внутри таких ассоциаций, общностей, решая свои повседневные проблемы, входят во взаимодействие с индивидами других ассоциаций, выступая, таким образом, как представители различных общностей. Но сами общности формируются как на основе рационального выбора, так и традиционно, естественно, на основе чувств, инстинктивных влечений, родственности и т.д. *Нет ни одного человека, индивида, который бы не входил в общности.* Здесь он становится личностью, получая социализацию - начиная от семьи, - проникаясь ее интересами, получая признание, любовь, сострадание, защиту и т.д. В общности раскрываются таланты и устремления человека, формируются его интересы и мотивы поведения и т.д. *Так складывается и общая матрица его идентичностей.*

В свете сказанного мне не кажется малопродуктивным и далеким от истины изображение В.А. Ядова, связывающего предмет социологии с социальными общностями людей. То, что социальные общности являются массовидными, первичными социальными формами ассоциации индивидов, а следовательно, - исходной категорией, "клеточкой" социологической науки - самоочевидно. *Социальное поведение индивида полностью обусловлено его принадлежностью к социальной общности и потому, что именно здесь он получает такие мощные импульсы поведения, которые нигде он больше не получит;* ради защиты интересов своей группы, слоя, но особенно семьи, национальной, религиозной общности, он пойдет на колоссальные жертвы, самопожертвования. Во взаимодействии индивидов, объединенных в социальные общности, формируются и выходят на поверхность наиболее острые и трудные проблемы и конфликты, движения и столкновения, даже войны. Содержание "социального действия" М. Вебера полностью оставляет в стороне огромный сектор социальной жизни, без изучения которого трудно понять, рационализировать и реальное поведение людей, и смысл происходящих процессов, событий. В связи с этим своевременна и вполне правомерна постановка проблемы социального настроения [1, 8]. Его можно взять даже в самом широком смысле, включая умонастроения людей. Настроение, если рас-

смаковать его с точки зрения глубоких источников формирования, - явление психологическое, сгусток инстинктов, эмоций, чувств, связанных с бессознательной субстанцией души человека. Но оно вызвано социальными причинами и мотивами и формируется как особое душевное состояние человека под их сильным воздействием [5, с. 211]. Можно ли говорить о "социальном действии" человека, оставляя в стороне его социальное настроение? Таким образом, социологический человек в социальной реальности не будет искать только проявление смысла, рациональности, а будет знать, что вся социальная жизнь соткана из отношений чувств и настроений, часто иррациональных инстинктов и побуждений.

Если взамен понятия "социального действия" применять "социальное поведение", то это лишь на первый взгляд покажется несущественной, даже несерьезной, "игрой слов", затеей. Но мы, во-первых, получаем некую свободу интерпретировать это понятие иначе, освобождая себя от поисков только рационализма и смысловой обусловленности деятельности человека. Социолог может изучать все виды и формы поведения, взаимосвязи и взаимодействия, которые чаще носят глубокий отпечаток иррациональности, эффективности, бессознательного, привычного. Во-вторых, понятие "социальное" наполняется широким жизненным содержанием, жизненностью, разнообразными формами, способами, нитями, чаще неуловимыми, связывающими людей и их действия в их повседневных "мирах" - общностях.

Включение социальной общности в предметную область социологии открывает социальную "картину мира" - социальной реальности - как совокупности ряда социальных компонентов - явлений, процессов, действий и т.д., о чем мы поговорим отдельно. Социальные общности, однако, занимают здесь особое место. Они, как известно, связаны психологическими, культурными, религиозными, нравственными и иными узами и нормами. Интересы и мотивы поведения людей формируются именно в рутине повседневности и под действием вышеуказанных духовных сил и идей. Именно здесь формируются и передаются человеку социальное настроение, представления, жизненные установки и устремления. Таким образом, *социальное поведение человека возможно как взаимодействие внутри социальной общности и между ними*. Это и есть социальная среда общества, его социальное измерение.

"Здравый смысл" и феноменологическая интерпретация социальной реальности. Феноменологическая концепция "здорового смысла" в последние годы все больше привлекает внимание российских социологов. В учебниках и учебных пособиях о здоровом смысле говорится в контексте рассмотрения предмета социологической науки. Но, как правило, остаются не совсем выясненными вопросы: "здравый смысл" - это методологический инструмент науки, способ познания социальной реальности; или часть самой реальности и, следовательно, предметной области науки; или, наконец, часть, важное направление социологической мысли? Думается, ближе других А.И. Кравченко подошел к интерпретации данного понятия в духе его творцов - феноменологов. Он пишет: *"Здравый смысл* будем понимать как совокупность преимущественно правильных суждений о практической жизни людей, состоящих из неких норм и принципов, регулирующих поведение, помогающих нам приспособиться к действительности. Здравый смысл пытается выловить на своем уровне такие закономерности. Это определенная предтеча научной теории. Можем ли мы выявить его с помощью научных методов?" [6, с. 43].

То, что "здравый смысл" - это иной, чем социологическая наука, способ осмысления человеческого мира в его обыденном, повседневном измерении, не вызывает сомнений. Это действительно в некотором смысле предтеча научной теории, формирующаяся у обычных людей в их обычной повседневной жизни. Для того чтобы человек мог жить в сообществе с другими людьми, он должен много знать. Это знание и есть "здравый смысл", своего рода "бытовая социология". *Феноменологическая социология как научная парадигма, изучающая интерсубъективный мир повседневности, опыт жизни обычных людей в их поведении, взаимном общении, не может не рассматривать "здравый смысл" и в качестве важнейшей социологической научной пробле-*

мы, и важнейшего феномена социальной реальности. 3. Бауман, проводя границу между собственно социологическим знанием, наукой и "здоровым смыслом", признает наличие в последнем важных социологических идей [7, с. 18].

И хотя "здоровый смысл" придает человеческой реальности смысл иным способом, чем теория, его значение огромно. Фрагментарные и, большей частью, односторонние жизненные опыты множества людей, если их объединить, сопоставить друг с другом, могут раскрыть тесную связь между индивидуальной биографией и более общими социальными процессами. Можно предположить, что "здоровый смысл" имеет ценность, прежде всего для социологии, как "поле" исследования и обобщенного научного выражения смысла человеческой реальности. И интересубъективный мир повседневности человека можно понять и придать ему научный смысл только при помощи расширения границ социальной реальности. Этим и занимается феноменология, считая, что сам "интересубъективный мир повседневности" живет не только и даже не столько набором неких норм и принципов, содержащихся в оболочке "здорового смысла", сколько общими ценностно-нормативными правилами и принципами, смыслами, органическими для структур институтов, внешних для таких миров.

Вообще, абстрактно логически признавая существование общества в духе Э. Дюркгейма как реальности *suī generis*, вне человека как внешней силы, способной и принуждать и формировать его, феноменология, тем не менее, ограничивает роль общества необходимостью для индивида сформировать свой Я - образ, т.е. самоидентичность. Воздействие же общества, его принуждение в виде различных форм социального контроля, сводится, в конечном счете, к формированию внутренней свободы человека, его мироощущения, нравственного облика, к расширению границ "здорового смысла" идеями, ценностями, смыслами и т.д., принятыми обществом и обеспечивающими его собственный выбор.

П. Бергер, И. Лукман и другие феноменологи считают, что для социолога существует некий социальный каркас, за фасадом которого кипит повседневная жизнь. И задача социолога смотреть через "щель", "заглядывать за", "видеть сквозь" фасад социальных структур как, например, в своих домах, в учреждениях и т.д. большого города действуют и взаимодействуют обычные люди. Дело в том, что само "общество живет в человеке", как часть его внутреннего бытия и участвует в его повседневной жизни, предоставляя роли, систему идентичностей, определяя личные возможности его преуспеяния в драме жизни. Человек в своем поведении ориентируется не на общество, а на собственную референтную группу, т.е. на ту общность людей, чьи мнения, убеждения и способы действия являются решающими при формировании собственного мнения, убеждений и т.д. Все, что находится вне конкретного человека и его референтной группы: "государство", "право", "закон", "религия", "воля народа" и т.д., - фикции. Реальны знание данным человеком законов и его законопослушание; признание им государства, приверженность к его целям, политике; принятие им нравственных принципов, религиозных убеждений и норм, усвоенные правила человеческих взаимоотношений и т.д.

Быть человеком вообще и быть человеком в конкретной ситуации, считает П. Бергер, не одно и то же. Все, что не относится к человеку "здесь" и "сейчас" - это "они", это "система", это сделанная чужими тебе людьми географическая карта. Общество для конкретного человека - это, с одной стороны, стены его заточения в истории, внешняя реальность, осуществляющая влияние и насилие над индивидом. И люди, в то же время, - это не толпа взнузданных и управляемых властями индивидов, побуждаемых к повиновению постоянным страхом потому, что у них сформировались воля и внутренняя свобода, что общество, одновременно, "внутри" них. Поэтому социальная реальность и выглядит здесь иначе, чем у Э. Дюркгейма, М. Вебера, Т. Парсонса. Внешне она напоминает бы театр марионеток. За ширмой скрыты струны, протянутые от снующих по сцене куколок, репетирующих предписанные им маленькие роли и трагикомедии, если бы не одно важное обстоятельство: кукла Пьеро лишена воли и сознания, тогда как Пьеро, играющий свою роль "на подмостках"

реальной жизни, больше всего хочет, чтобы в сценарии ему была уготовлена определенная судьба; и у него есть целая философская система, как испытать ее.

При всей привлекательности, такая интерпретация социальной реальности резко сужает ее пространство в общественной структуре в целом, оставляя в стороне важнейшие социальные феномены, процессы, структуры, которые решающим образом определяют ее сущность, границы и внешние признаки. Причем не только для обычного человека, способного понять и интерпретировать собственный "родной" мир. И для социолога-теоретика социальная реальность останется "парадоксальной" игрой, маскарадом до тех пор, пока она не будет рассматриваться в качестве органической части всей общественной жизни. П. Бергер, например, не отвергает социальный реализм Э. Дюркгейма, признает роль общественных структур, но как внешних по отношению к "интерсубъективному миру". "Дюркгеймовский и веберовский взгляды, - пишет он, - ... просто составляют антитезу, ибо в центре их внимания находятся разные аспекты социальной реальности" [4, с. 119]. Правда, это общее признание слабо отразилось на концептуальном решении вопроса о социальной реальности. Г.С. Батыгин справедливо отмечает, что вопрос: как совместить свободу человека с властью институциональных социальных порядков? - стал центральным для феноменологической социологии. Он так и не решен удовлетворительно.

Что есть социальная реальность? На данный вопрос более или менее удовлетворительно можно ответить только с позиций интегрализма. Феноменология так и не сумела и не могла в принципе дать полную и глубокую характеристику социальной реальности в силу известной узости собственного подхода и понимания предмета социологии. И.А. Бутенко еще в 1987 г., отмечая важные познавательные возможности феноменологии, заметила, что она самостоятельно не в состоянии до конца познать социальную реальность. Это *"лишь путь к новому социальному познанию, но еще не оно само"* [9, с. 138]. И далее: *"она может плодотворно применяться только в рамках более широкого понимания общества, иначе неизбежна субъективизация общественных отношений и подмена социологии психологией"* [9, с. 140]. *Для современных феноменологов общество и его структуры так и остались внешней силой, способной лишь оказывать воздействие на интерсубъективный мир двумя путями: формированием воли и внутренней свободы индивида и осуществлением разными способами социального контроля.* В этой "парадоксальной" реальности их интересуют и такие, с их точки зрения, важные социальные проблемы, как слухи, сплетни и т.д. Надо отдать должное отцу феноменологии А. Шюцу, который обратил внимание на то, что социальная реальность - *"это мир культурных объектов и социальных институтов, в котором все мы родились, внутри которого должны найти свою точку опоры и с которым должны наладить взаимоотношения"* [10, с. 485]. Правда, он имеет в виду реальность в качестве объекта обыденного сознания людей, живущих своей повседневной жизнью и т.д. Но уже включение сюда социальных институтов было важным познавательным направлением мысли.

Социальная реальность - это не внешняя среда, а органическая часть того мира, в котором живут и взаимодействуют индивиды и их общности, в том числе через социальные институты, организации, культурные объекты, политико-экономические структуры. Это такая межиндивидуальная реальность, в которой существуют многообразные связи и сети привязанностей, зависимостей, чувственных, родственных и иных отношений, данных в самосознании индивидов и сплетенных в "узлы", "комплексы", именуемых, с одной стороны, семьями, группами, классами, нациями, сообществами и т.д., с другой, - социальными институтами, государствами и т.д. Социальная реальность - это и структуры, и феномены, и процессы, в которых определенным образом взаимосвязаны и взаимодействуют люди. Она может выступать и как текущий процесс и форма взаимосвязи, взаимодействия людей "здесь" и "сейчас", и как процесс и форма взаимодействия в историческом развитии и изменении. *В первом своем проявлении, "имидже"* - это может быть безработица, организованная преступность, массовое падение нравов, наркомания и т.д. в конкретных обществах. Можно

ли социологически исследовать и понять сущность этих социальных проблем без предварительного выявления корней аномии и деформаций?

Во втором же своем проявлении - это широкие социокультурные процессы, социальные и религиозные движения, процессы институализации, социализации и т.д. Применение системного подхода, выявление явных и латентных функций тех или иных процессов особенно важны при социологическом исследовании таких аспектов социальной реальности, как, к примеру, социальные и межэтнические конфликты. Обнаруживается, что социальная реальность содержит в себе и закономерности развития, функционирования различных процессов и социальных сил. Социальные законы - это не просто стержневые основы и линии взаимодействия различных социальных сил и процессов, устойчивые отношения и т.д., они еще и важные структурные компоненты предметной области социологии. Да простят меня некоторые мои коллеги за такую крамолу. К тому же у меня речь отнюдь не идет о "железных" законах, против чего они так решительно возражают, отрицая вообще существование законов. А ведь достаточно напрягать "социологическое воображение", чтобы без особых глубокомысленных аналитических раздумий увидеть на самой поверхности процессов действие неких законов. К примеру: там, где существуют отношения неравенства, неравноправия и дискриминации, там непременно формируются и разгораются конфликты в семье, в группе, между социальными слоями, нациями, государствами. Разумеется, не только этими факторами обусловлены конфликты, здесь масса других причин, но подобные отношения - уже достаточное основание для конфликтов.

Ч. Райт Миллс, рассматривая проблемы социальной реальности, выделяет *личные трудности*, связанные с межличностными отношениями в повседневности, обыденности, и *общественные проблемы*, возникающие на уровне институциональной организации множества индивидуальных сред жизнедеятельности, а далее в более широкой структуре социально-исторической общности. Его идея в том, что основные проблемы интерсубъективного мира, возникающие в обыденной жизни людей, являются проблемами общеструктурного характера, возникают из глубоких экономических, политических и иных недр общества, приобретая социальный характер. Какая бы узкая или широкая ни была картина изучаемой социологами социальной реальности, всякий, кто осознал перспективы своей работы, вновь и вновь ставит перед собой три группы вопросов: 1. Что представляет собой структура изучаемого общества в целом? 2. Какое место занимает данное общество в человеческой истории? 3. Какие социальные типы преобладают в данном обществе и какие будут преобладать? "Подобные вопросы составляют интеллектуальный каркас классических исследований о поведении человека в обществе, их неизбежно задает каждый, кто обладает социологическим воображением" [11, с. 15], - подчеркивает Миллс.

Таким образом, очерченный выше каркас социальной реальности указывает и на сложность, и многообразие предметной области социологической науки. Вопрос в том, что включать в эту область и включать ли связи социальной реальности с широкими и не строго социальными структурами общества в целом? Не вызывает сомнений то, что понять сущность социальной реальности, характер ее жизни и функционирования может тот, кто серьезно и глубоко изучает и знает общество в целом. И "тот, кто обладает социологическим воображением, способен понимать, какое влияние оказывает действие исторических сил на внутреннее состояние и жизненный путь людей" [11, с. 13]. Это замечание Ч. Райта Миллса позволяет объяснить, как в бурном потоке или в монотонности обыденной повседневной жизни у людей часто формируется ложное сознание своих социальных позиций, что сам по себе "здравый смысл" не в состоянии дать четкую и ясную жизненную перспективу.

Итогом вышесказанного может быть следующее определение социологии как науки. Социология - наука, в центре внимания которой стоит **осознанное и неосознанное поведение человека - члена социальных общностей в соответствии с его социальной позицией (статусом) и выполняемыми им ролями в социальной структуре общества как в своей жизненной среде.** Тем самым в качестве социального выделены и

рациональные аспекты поведения (сознание, ценности, установки, интересы и т.д.) и иррациональные (социальное настроение, самочувствие, аффективные импульсы, привычки и т.д.); и референтные группы, жизненный мир и объективные обстоятельства и внешние для человека структуры. Это позволяет провести мысленный водораздел и между поведением человека в социальной жизни, и его поведением в экономике, политике, в сфере правоотношений и т.д. В целом становится возможным более четко структурировать и выделять категории и понятия социологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Тощенко Ж.Т.* Социология жизни как концепция исследования социальной реальности // Социол. исслед. № 2, 2000.
2. *Гелбрейт Дж.* Экономические теории и цели общества. М., 1979.
3. Общая социология. Учебное пособие. Общая редакция *А.Г. Эфендиева*. М., 2000.
4. *Бергер Питер Л.* Приглашение в социологию. Гуманистическая перспектива. М., 1996.
5. *Мнацаканян М.О.* Интегрализм и национальная общность. Новая этносоциологическая теория. М., 2001.
6. *Кравченко А.И.* Социология. Общий курс. М., 2000.
7. *Бауман З.* Мыслить социологически. М., 1996.
8. *Тощенко Ж., Харченко С.* Социальное настроение. М, 1996.
9. *Бутенко И.А.* Социальное познание и мир повседневности. М., 1987.
10. *Шюц А.* Формирование понятий и теории в общественных науках // Американская социологическая мысль. М., 1994.
11. *Миллс Ч.Р.* Социологическое воображение. М., 1998.